

ТО ЛИ АНГЕЛ С ВОРОНЫМ КРЫЛОМ, ТО ЛИ ВОРОН С КРЫЛОМ БЕЛОСНЕЖНЫМ...

1 • КРЫЛО ПОЭТА

Ангел-Ворон, сорвавшийся из бездны, рвет-разрывает горящим крылом занавес Новокузнецких небес, сквозит над Кузнецкой крепостью...

Ворон-Ангел бьет по воздуху вывихом взвихренного крыла, отпрынув от креста Преображенского собора...

Ангел-Ворон летит-западает расстрельным боком к осенней реке, нижним чадящим крылом оголяя притомские топольники, задевает-ворошит неоновое плоскогорье Вифлеемских крыш...

Ворон-Ангел воркует над улочкой Веры Соломиной, кружится-блзнится над Татьяной...

*Пообломаны сирени,
Позагажены дворы.
У единственной качели
Курит стайка детворы,
У бачков — воронья стая,
У пивнушки — мужики.
Ветер, тополя листая,
Тихо воет от тоски.*

Выходит Татьяна на улицу, глядит вверх: вот оно — над головой, над проспектом Metallургов и Абагуром смеркается-клубится крыло Ворона-Ангела, застящее полнеба, как в Ту Пятницу — в Иерусалиме...

Из-подземное, полыхающее язвами заводов и подвальной мочой кромешное крыло Ангела-Ворона осыпается струпьями и ржаво-вороньими перьями-строчками во дворе Татьяны, прямо перед глазами...

*А на лавочке у дома
Вдаль глядит олигофрен...
Всё обжито, всё знакомо.*

*На какой, скажите, хрен
Я, как ветер, по страницам
Жизни вчитываюсь в суть,
Если у помоек — птицы,
Мужики в подъездах ссут?*

Это наш век — Век-Ангел-Ворон — взмахивает то райским, то адским крылом, роняя закатные и рассветные перья на стол Поэта. А стол Поэта — это вся Земля — родная, изгаженная, неотвратимо любимая. И у Птицы-Поэта: одно крыло багряно-смеркается жгучим inferнальным феррумом, а другое — нежно — снегопадно-тишайшее — ликует пресветлыми ликами святых...

И, как только падший Ангел-Птица-Поэт взмахивает крылами, — распахивает божественную бездну свою, — молнии грохочут-раздирают гордую душу Ангела-Птицы-Поэта, терзают, как на электрическом стуле Страшного Суда...

*Я — вина, и виновна вдвойне,
Потому что рядилась для блуда,
Божий дар продаю, как Иуда,
И искала забвенья в вине.
Дочь моя не узнает стыда,
Сын мой будет убийцей и воров,
Я — вина, и покрыта позором
Голова с ненавидящим взором
В никуда.
Я не пачкаю рук, я пою
Песню всякому червю и гаду,
И овец вывожу за ограду,
И веду в безысходность мою:
Заключу, обессилю, сгною!
Я — вина. Испокон и навеки
Ненавистны мне свет и любовь.
Это я вопию: кровь — за кровь!
Я — война, моё имя — Гордыня.*

Сверкают молнии меж разверзшимися крыльями ада и рая. Ай! — каркает-корчится-кается Ангел-Птица-Поэт и за себя, и за всех, потому что не может себя от всех от-

делить-отодрать-отличить Ангел-Белая Ворона-Поэт...

*Промолчать бы эту строку
Да другую песню начать.
Пусть Иван висит на суку...
Только как о том промолчать?!
И ору в пространство: Жива! —
О колёса стыки стучат,
И стыкую в строки слова
Для внучат моих, для внучат.*

2 • ПОЛИГОН-ОСТРОВ-СТЕНА-НОВОКУЗНЕЦК

ПОЛИГОН

Отец Татьяны, советский офицер, проходил службу на военном полигоне возле Семипалатинска.

Это были предрождественские дни, и Татьяна должна была вот-вот появиться на свет. Степь звенела-стекленела морозами, и клубящиеся звезды, казалось, можно было потрогать рукой. О Рождестве тогда никто не вспоминал — начинались предродовые схватки космического 1957 года. Татьяна родилась 27 декабря.

Но еще до своего рождения, свернувшись блаженным калачиком в райском животе мамы, она вдруг почувствовала-увидела ядерную фотовспышку, пронзившую ужасом все клеточки ее тела. Где-то в памяти-архиве Земли до сих пор хранится тот свето-зияющий кадр-негатив: нестерпимо-убийственный свет и девочка-зародыш, сжавшаяся в животе мамы, как в бомбоубежище...

ОСТРОВ

Потом был Остров.

А вокруг Острова — блаженная голубизна, колыбельно-ласковые волны и она в океане воображения... Она там и здесь... Она впитывает-вбирает в себя прозрачно-набегающие волны, пенно-исчезающие в песке, и золотисто-сиреневые веера ракушек, и кособоко-убегающих крабов... Огромный целительный запах океана волнует и запечатлевается навсегда. Она остро-глубоко вдыхает

весь остров и необъятный океан, его щемящие приливы и отливы... Она босыми ступнями шлепает по песчаным отмелям, оборачивается и смотрит, как исчезают ее следы — смутные и мимолетные. И океанское побережье странных воспоминаний стоит в широко раскрытых глазах девочки...

Вы видели Океан?

*Я расскажу вам об Океане,
где плавают киты и корабли,
где границы опасны для кораблей,
бессмысленны для китов,
а для детей совершенно непонятны.*

Сахалин...

*(я мечтаю встретить человека, который помнит это)
Каждый год перед летними каникулами
мы всем классом делали бумажных журавликов
и ждали сильного ветра.*

*Как мы верили, что ветер обязательно
донесёт их до Хиросимы и Нагасаки,
что наши бумажные птицы ворвутся
в раскрытые окна больниц,
в которых умирают японские дети,
похожие на незаконченные куклы на полках
школьного кабинета.*

Это было на том Острове, где приливы и отливы странных наваждений и сновидений наплывали на спящую девочку, а по утрам оборачивались внезапно-отчетливой реальностью...

СТЕНА

Берлинская стена рассекла-разодрала-разделила один город, один народ, и сердце одной девочки. Когда-то Генрих Гейне мучительно выдохнул: мир раскололся на две части и трещина прошла через сердце поэта. Тогда в девятнадцатом веке поэт только предчувствует этот ядерно — кровотокающий ров и человеческое сиротство...

*Мы покупали с родителями игрушки,
торжественно укладывали их в картонные коробки*

и посылали во Вьетнам.

(Ночами нам снились пальмы, бомбы, игрушки и котята, которых мамы не разрешили взять в дом)

Отца Татьяны перевели служить в Восточную Германию. И Татьяна мирно живет и ходит в школу возле Берлинской Стены. Она не принимает-не понимает, зачем построили эту Стену, разрывающую ее сердце — сердце советской девочки, которая носит-вынашивает в нем весь мир. Так мама когда-то носила ее в себе — недалеко от Семипалатинска...

Зачем Стена? Она зажмуривается и затыкает уши, но все равно слышит и видит, как с той стороны Стены волокут-ставят к стенке Че Гевару и Сальвадора Альенде... А с этой стороны? Нет, с этой стороны никого не расстреливают... Никого! Но кровавое многоточие насквозь отпечатывается с обеих сторон Стены...

*А в десятом классе,
когда физичка спросила:
«Вы знаете, что во Вьетнаме кончилась война?» —
мы кричали «Ура!»,
бросали под потолок учебники,
напичканные ядерной физикой,
плакали
(даже мальчишки),
и никто в этот день не смог ответить,
и физичка не ставила нам оценок.*

НОВОКУЗНЕЦК

«Если начнется ядерная война» — вдруг воспламеняется Татьяна и затягивается папиросой...

Мы с Татьяной стоим-разговариваем в кухонном кубике полночной кармановской квартиры возле окна, разбрызганного стеклами створок в афганские всполохи Новокузнецка, горьковскую ссылку Сахарова... До нас доносятся будоражащие требования Лехи Валенса и дружно ликующие крики поляков...

Татьяна на мгновенье замолкает, передергиваясь от афганских ожогов и вьетнамского напалма, и про-

должает: «Я пойду на площадь Маяковского... да-да» — огненно утверждает Татьяна. «Там мы соберемся... там соберутся все наши... возле памятника Маяковскому для последнего ядерного фотоснимка — все наши: и Саша Бобкин, и Саша Суслов, Игорь Гурьянов и Саша Раевский, Володя Петраш и Стас Долгов и все-все...»

Я слушаю Татьяну и не верю в ядерный апокалипсис. Я возражаю. А Татьяна ставит в своем монологе самурайскую точку: «Если начнется, я одна выйду на площадь Маяковского». Она отворачивается к распахнутому окну и смотрит в сторону невидимой площади. Как будто поэт может защитить поэта, как будто пророк может подсказать пророку, как будто Маяковский может уберечь человечество от самоубийства... как будто...

*Утром ты проснёшься,
поднимешься над котлованом,
в котором был город и полетишь к обрыву..
Знаешь, а нам часто снится, что мы летаем,
но мы думаем, что это — память предков.
Присев около оплавленного бетонного пня,
ты закроешь глаза,
опустишь ладони так, чтобы они касались земли,
и будешь тихо повторять:
«Ро-ди-на-ро-ди-на-род...»
(Когда-то с этого обрыва
я увидела город таким,
каким его видят птицы — беззащитным,
и поняла, что люблю его).*

3 • ПЕРО ПОЭТА

И уже в новом тысячелетии, проходя по мостику возле 5-ой горбольницы, видит Татьяна падше-струящееся ангельское перо — черную речушку Абушку... Склоняется Татьяна через железные оплаканные перила, смотрит, как безвольно течет черно-умирающая речка-перо, вырванное из вечнозеленой таежной воли Сибири...

*На асфальте — убитая птица,
Мелюзга, никчемучка. Народ*

*Всё торгуется, всё колготится
У невидимых райских ворот.*

Как в больнице над постелью умирающего, замирает Татьяна над Абушкой — над родимой Черной реченькой. Ведь на Руси Черная речка — не просто Черная речка, а предсмертно-истекающее перо-судьба Поэта...

*Такое чувство, что отравлена насквозь
Душа моя... что вдруг оборвалось
То, что судьбу над пропастью держало.
Как будто враг, преследовавший век,
Мне гулко в спину ненависть изрек
И выпустил струящееся жало.*

Как во сне Татьяна держит, плачет, целует, боясь расплескать, в своей горсти прохладное прозрачное горно-шорское живое перо-речку Абу-Абушку: радуется, всхлипывает, смеется, и Любе Арбачаковой — потаенной Диво-Художнице — Жар-Шаман-Птице — назад в живоначалной чистоте отдает... Это твое родимое Жизнь-Перо-Кисть... Твори во славу Божию, Любонька!

Татьяна задерживает дыхание, проходя по ржавеющему игольному мостику через геенский сливной ручей — воспаленно-смердящую городскую вену — святую незавершенную канавку Серафима — Отчечистую речку Абу... И вдыхает, и дышит Татьяна необъятной Иисусовой молитвой и надышаться не может.

*А снег идёт... Иди! И птичий звон
Из крон летит... Лети! И небосклон
Прозрачен, как строка в минуту боли...
Боли, душа! Мне эта боль сладка:
Пусть тянется к упавшему рука...*

Татьяна сжимает пальцами гусиное, ломкое пластмассовое, космическое перо «байконур-газпром-паркер»... Она вдавливают в чистый лист безглазо-шариковую ручку школьника-олигарха-поэта и записывает слова, извергающиеся из кровотока сердца... Зачем это было?

В ее гортани — родно-рыдающая Иордань. Ее несдержанно-прерывистая рифмуемая речь, — родная ре-

ченька Абушка, схваченная наручниками мостов, — су-
дорожной строкой пересекает Город Сад-Город Ад, через
проспект гениального сталевара-академика Курако, че-
рез площадь любимого поэта — поэта-самоубийцы Вла-
димира Маяковского...

*Пусть с плачущими плачется, доколе
Стучит в груди и светится в уме,
Доколе хоть укрухи есть в суме, —
Нам и укрухи по грехам — отрада...
Ликуй, мой ангел!
Верую.
Иду.
Какую бы ни встретила беду, —
Я знаю: мы не созданы для ада.*

Татьяна дерзновенно вглядывается-верит-видит,
как озаренно трепещет изнебесное крыло Ангела-Воро-
на-Времени, как белоснежным оперением храмов разве-
иваются багряные язвы-сполохи КМК и Запсиба... и без-
молвно дышит Иисусовой молитвой ее сердце... сердце...
сердце...

4 • КРУГИ ПОЭТА

МАНСАРДА

Над крышами Новокузнецка в синеве среди облаков
витала-парила Мансарда, а в ней жил и творил Худож-
ник...

А Татьяна гуляла по улицам города и разносила пись-
ма. Однажды она взглянула вверх и увидела Мансарду.
Она взмахнула крыльями, легко взлетела, увидела Ху-
дожника и влюбилась в него. А Художник Виталий влю-
бился в нее. Он чудесно открывал-распахивал перед ней
двери своих полотен, а она стала заботиться о нем и пи-
сать стихи. И они не могли расставаться и стали мужем
и женой. И у них был кот Василий...

*Вошел?
Нет.
Ворвался?*

*Не это даже, —
опрокинул воспоминания,
«до» и «после» смешал в кучу,
бросил связанный мной жилет
на табурет,
туфли — в угол,
взгляд — в окно,
бросил слово незначащее, но
ТАК не сказанное никем
мне.*

Так она взлетела-вошла в Мансарду и стала своей — Молодой Хозяйкой в творческом изысканном Круге вольных художников и взбалмошных поэтов.

ГЕОЛОГОРАЗВЕДКА

А потом, когда радостная тайна Встречи стала превращаться в мучительную тайну Разлуки, она потихоньку перебралась-сбежала из любимой Мансарды, заставленной ее портретами и сине-зелеными пейзажами, и очутилась в настоящем сине-зелено-солнечном огромном пейзаже. Она выдохнула перевитый голубыми струйками табака и блистательными остротами воздух Мансарды и вдохнула непостижимо-живительную голубизну Кузнецкого Алатау...

И вот — она повариха в Геологоразведке. Вокруг Общего Котла собирается ее новый творческий Круг: геолог, егерь, горный рабочий, шофер, лодочник... Ядреные шутки-прибаутки, да предгрозовые были-небывальщины водят веселый и тревожный хоровод вокруг Поварихи-Татьяны...

*На Пегасе малина огрузло свисает до вод
А со дна халцедоны холодным покоем мигают,
В омутках серебрится нешуганый рыбий народ...
Почему бы и нет, раз его не шугают?*

В это время она замечает-сталкивается с необычным человеком. Он Фотограф от Бога. Кроме фотоаппарата у него ничего нет. Его фотоаппарат Острый Глаз пронзительно видит то, чего другим не дано увидеть. И Татьяна

начинает осматривать-вглядываться в мир глазами Фотографа. Перед ней открылась иная Вселенная. Она восхитилась, поверила в путь Владимира и полюбила его. И они стали жить вместе.

Она покрестилась. Она делает свои первые сладко-неловкие шаги к Богу. Она искренна, нетерпелива и самоотверженна. Она просит у Бога, чтобы он дал им дитя. И она вымолила-родила дочь Марию. Она всем сердцем приняла блаженство быть матерью. Но опять для Татьяны приблизилась тайна Разлуки. И Круг Геологоразведки распался вместе со страной. Она осталась одна — с дочерью и Христом.

МОНАСТЫРЬ

И она пришла в Монастырь.

Этот монастырь только-только начали строить-возводить еще первые неумелые иноки-монахи-послушники-насельники. Столько лет никто не строил в России монастырей! И вот он, первенец, крепостными-колыбельными стенами окружается, своими руками — млечный кирпичик к вечному кирпичику — складывается... Вот и крест золотится над городской черно-снежной окраиной. Вот и звон колокольный души Божии окликает-собирает... Вот и в храме народ толпится-усмиряется, к небесному делу — молитве — примеряется. Храм — еще в лесах: стружкой сосновой и свежими красками пахнет, а на лесах под куполом иконописец с кистью лики святых изображает — подражает Творцу...

Здесь и обретает Татьяна свой новый Круг — круг жаждущего, немощного, бедствующего, лукавого и кающегося люда. Здесь принимает Татьяну и духовно ведет Батюшка. Здесь послушница Татьяна распинается на кресте послушания своего. Здесь она проходит свою новоначальную Голгофу. Здесь православный люд друг друга яро-щедро ревнует-распинавает, да жалеет-оплакивает.

Ах, какая мука̄ будет из этой муки!

Будут хлеб̄ пышны, будут священны руки,

Тесто творя из слез, бедности и молитв.

Будет блажен покой после трудов и битв.

Здесь в одной поднебесной ангельской связке идут-срываются-восходят христианские души: монахини Николаи и монаха Серафима, псаломщика дяди Лени, инокини Катюши и матушки Серафимы, иеромонаха Тихона и алтарницы Евгении, монаха Иова и соседских детишек... Близкие и библейские имена, младенческие и новозаветные времена обступили Татьяну...

И монастырская насельница Татьяна вместе со всеми мучается-учится верить в Бога. А верить в Бога — это значит любить Бога больше себя самого, а ближнего своего, как себя самого...

Господи, дай любви — Тебя любить!

ТВОРЧЕСКАЯ КЕЛЬЯ

В коммунальной квартире на четырех квартиросъемщиков приютилась ее комнатуха-келья.

В коммунальном краю не соскучишься-не забудешься: кран с кипятком в ванной не закручивается — как в парилку входишь, сливной бачок в уборной пятый год бастует — воду не сливает, сосед-недоросль круглосуточно по-су врубают-слушает так, что стены сотрясаются. В одной квартире на смерть сошлись: содрогающаяся Берлинская стена, ядерный полигон и бесотрон коммунальный...

А у Татьяны вся защита — Иисусова молитва и Матерь-Заступница. Да еще вечнозеленый бор-собор святых целительно благоухает в чистой комнатке... И ангелы незримо летают-витают над ее дневниками — черновиками — хранят и вдохновляют свою сестрицу. Так и обитает в заповедной келье Птица-Поэт-Татьяна: вышивает райскими, переливчатыми нитками иконы, а потом выходит на улицу к деревьям, воронам и облакам.

Простой барометр души —

Вороны в поле зрения.

Не хочешь горя? Не пиши

О нём стихотворение.

Я столько выклянчила слёз

*У Господа — не меряно!
Зато душа моя всерьёз
На небе не потеряна.*

В своей творческой келье Татьяна пишет стихи и вышивает иконы при ослепительно-тусклом свете электричества и душевно-живительном Свете-Круге ангелов и друзей.

5 • ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВА —
АНГЕЛ-ПТИЦА-ПОЭТ-МЛАДЕНЕЦ

Я впервые слышу стихи Татьяны в июле 1980-го, и в моем сознании проявляется образ струящейся влаги и нежно-омытых разноцветных камней.

Она сама была похожа на Ангела, и глаза ее сияли неизбежно-небесной лазурью. Она еще по-настоящему не писала. Она только-только прикасалась-гладила окатыши слов и, отважно лизнув запыленную гальку, всматривалась в потаенно-проступивший, еще влажный, смысл новознакомого слова... Так и ведут себя поэты, прогуливаясь по побережью орфографического словаря...

Тогда ее стихи были похожи на удивительные переводные картинки с неумело торопливыми дырами-пробелами и лохмашками-катышками млечной бумаги...

АНГЕЛ ТАТЬЯНА

*Пролетая над улицей старой моей
Чуть повыше опущенных крон,
Ангел нежно касался листвы тополей,
Не вспугнув задремавших ворон.*

Святые Отцы говорят: полезней свои грехи видеть, чем ангелов лицезреть... Опытны предупреждают нас, предохраняют от прелести и гордости.

А в стихах Татьяны летают-живут Ангелы... И она не виновата, что Ангелы сами прилетают-поддерживают душу ее смиренно-неистовую, жаждущую блаженств новозаветных... Да и с кем разговаривать огнеглагольному Ангелу-Поэту в коммунальной келье, как не с Ангелом-Хранителем своим? Кем любоваться Ангелу-Поэту,

как не Ангелами Света нежно-лучезарными, сострадающими...Кому пожалиться-возопить из кромешно-коммунального мрака?

Мой Ангел, я тебя не вижу...

Не вижу я тебя, — увы...

Спустись немножечко пониже —

В потоки злобы и молвы,

Где я живу в кромешном мраке...

На кого уповать, склонившись над черновиком, в кухоньке опустевшей? Чей лик заплаканно-небесными нитями вышивать? Кого, как не вестника Христова, о Христе безмолвно поспрашивать и ясный безмолвный свет-ответ получить?

Ты знаешь, такое все реже бывает:

Проснешься, и будто в чело

Тебя Серафим целовал, принимая

Томленья души под крыло.

Ангелы населяют стихи Татьяны, и Татьяна живет-аукается среди Ангелов. Она восторженно-любопытна и глубоко ранима. Татьяна любит Христа и хочет узнать о Нем больше и больше. А кто, как не Ангелы — вестники Божии — знают Бога? Она чувствует, что Богопознание — ее судьба-путь. Уготованный и открывшийся после крещения. Опасный, как лезвие бритвы — путь Ангела-Поэта.

Она гуляет по Новокузнецку с Эммануилом Сведенборгом и беседует об Ангелах. А Сведенборг просто и ясно рассказывает Татьяне все, что сам узнал от Ангелов. Он открывает перед Татьяной мир Ангелов и предостерегает ее. Ибо много искусных и огнеопальных Ангелов слетается на мерцающие огни своевольных и самолюбивых душ...

И, возвращаясь в свою комнатку-келью, Татьяна садится перед начатой иконой, берет небесно-сияющую нить и вставляет ее в игольное ушко... — в То Самое.

ПТИЦА ТАТЬЯНА

Тогда — в начале восьмидесятых — из меня вылетело-

выпорхнуло четверостишье о Татьяне:

*Держись, поэтка,
За белый свет! —
Надежней ветки
На свете нет!*

Птица местная-невиданная Ангел-Синица-Голубь-Поэт ходит-подпрыгивает по городским дворам и скверам, пишет-выкаркивает свою Воробьино-Воронью Книгу... Ключом по асфальту чиркает, лапками по снегу иероглифы отпечатывает, черно-опаловые полыхающие перышки свои роняет-оставляет на память жителям Новокузнецка...

*Я люблю эту землю? Не знаю,
как сказать, но иной не хочу!
Эта ранняя слякоть сквозная
мне, вороне, видать по плечу*

Внезапный вихрь вдохновения налетает-захватывает Птицу-Поэта, взметает летучие рифмы, треплет оперение строф, вырывает из крыльев одуванчики-перышки-буквы... Ливень чувств, и дрожащая листва образов, и ветер духовных устремлений, и огонь небесный трепещущий по небосклону сознания и разрывающий на клочки ее черновики...

Не ищите в стихах Татьяны Николаевой драгоценных камней и кристаллов. Ее поэзия не кристаллична. Ветер-Ливень и Пламя — ее стихия! Ее поэзия дышит огромными легкими Земли.

ПОЭТ ТАТЬЯНА

Она встречает жизнь открыто-ранимой душой и лепещуще-ликующим словом. Она никогда не старалась быть поэтом, она просто присутствует среди нас как поэт — искренне и непоколебимо.

В ее стихотворном почерке крепость и сила. Ей подвластен распахнутый веер ритмов. Орнамент созвучий прост и точен. Опыт ее воображения соответствует ее способности стихосложения. Поэзия ее цельна и полна чувства, она помогает вставать и поднимать голову.

В поэзии Татьяны есть дерзновение любить людей и Бога. Она поэт.

Она — Поэт.

Поэт — это Пророк — так считали древние.

А Пророк — это разгневанный Мудрец — сказал поэт Тимур Зульфикаров.

Мудрец — это вселюбящий Младенец, лепечущий То, не зная Что... — сам про себя умалчивает Мудрец.

Поэт всегда Ребенок! — воскликнул поэт Петр Вегин, и терновый виток-круг-венец замкнулся на челе Поэта...

Татьяна — Поэт-Младенец...

*Грызть ранетки и быть счастливой —
Это просто: грызи и будь!
Я грызу и дышу сопливо
На извилистый снизу путь.*

МЛАДЕНЕЦ ТАТЬЯНА

Целых полвека она переживает свой невинно-беззащитный возраст Поэта-Младенца и не может повзрослеть.

*Плачет Маленький, плачет... Мне не подойти,
Только — звук, остальное — за гранью запрета.
Может быть, это сущность земного пути
То ли ангела, то ли во плоти поэта?
Только б силы мои это превозмогли,
Обрываясь по мудрости Неба, где тонко.
Я иду, подбирая все плачи земли:
Лягушонка и облака над... и ребёнка...*

И стоит на Божьей песчинке Слова Ангел-Птица-Поэт-Младенец Татьяна.

Пытается устоять...

ноябрь-декабрь 2006
Кемерово

Александр Ибрагимов

автор
21.02.2008 г

Татьяна Николаева

Ключок Обетованный

Централизованная
библиотечная система
г. Новокузнецк
№ 1220796

Новокузнецк, 2006